

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

В. П. ТРЫКОВ

Французский Пушкин*

Первое упоминание об А. С. Пушкине в европейской прессе относится к 1821 г.: в февральском номере французского журнала «Ревю ансиклопедик» содержалась весьма положительная оценка «Руслана и Людмилы». Впоследствии в этом издании появлялись сообщения о выходе в свет произведения русского поэта.

Знакомство с А. С. Пушкиным французской публики продолжилось в 1823 г., когда в Париже была издана «Антология русской поэзии», составленная Эмилем Дюпре де Сен-Мором. В антологии был напечатан первый во Франции перевод произведения А. С. Пушкина (фрагмент поэмы «Руслан и Людмила», осуществленный отцом поэта Сергеем Львовичем Пушкиным). В 1829 г. «Ревю ансиклопедик» поместил рецензию на «Братьев разбойников». Однако все это были лишь упоминания, коротенькие аннотации и рецензии. Произведения Пушкина при жизни поэта оставались почти неизвестными французской читающей публике.

Новый этап рецепции творчества Пушкина во Франции начался после его смерти. Из-

вестие о гибели русского поэта привлекло особое внимание к его фигуре и нашло отклик в парижской прессе. В крупнейшей парижской газете «Журналь де Деба» была опубликована статья критика Лоева-Веймара, в которой говорилось: «Россия потеряла поистине своего самого знаменитого писателя <...>. В своих произведениях Пушкин создал русский язык таким, на каком пишут и говорят сегодня в России, и заслужил таких же почестей, которые мы, французы, воздаем Малербу»¹.

Однако первой попыткой дать более или менее развернутую характеристику творчества Пушкина стала статья «Пушкин» Шарля Бодье, опубликованная в рубрике «Поэты и романисты Севера» июльского номера влиятельного парижского журнала «Ревю де де монд» за 1837 г. Это первая во Франции статья о Пушкине обзорно-аналитического характера, содержащая краткий биографический очерк о поэте, дающая общую характеристику его творчества в целом и отдельных, наиболее значительных, с точки зрения Бодье, произведений Пушкина. Представляя

* Исследование выполнено в рамках проекта «Россия и Европа: диалог культур во взаимоотражении литератур», осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (грант 06-04-00578а).

Пушкина французской публике, Бодье аттестует его как первого оригинального русского поэта. Особенно высоко французский критик оценивает лирику Пушкина, в которой, по словам Бодье, «гений Пушкина проявился наиболее свободно, отразились самые разнообразные грани его души, его характер обрисовался с наибольшей искренностью и определенностью»². Среди таких черт Бодье выделяет свободолюбие поэта, то достоинство, с которым он переносил ссылку, не выпрашивая снисхождения у власти. Критика удивляет атеизм Пушкина и порожденное им языческое мироощущение поэта, превыше всего ценившего земную красоту. В этом отношении Бодье сближает Пушкина с Эваристом Парни и Андре Шенье. С этой особенностью пушкинского взгляда на мир французский критик связывает культ формы и недостаток содержательной глубины в его поэзии. «Он создал настоящий культ формы; содержание его беспокоит мало, — утверждает критик. — Он заимствует его, не особенно беспокоясь, как у древних, так и у современных авторов»³. Бодье называет Пушкина «искусным чеканщиком», отмечает его «живое и подвижное воображение», которое смешивает серьезные и меланхолические темы и образы с бурлескными.

Бодье невысоко оценивает «Бориса Годунова», утверждая, что «Пушкин не рожден для драмы»⁴. С точки зрения критика, «Борис Годунов» — всего лишь воссоздание эпизода русской истории, причем в форме серии диалогов вместо связного сюжета. Более высокой оценки удостоиваются поэмы Пушкина «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник» и «Евгений Онегин», в которых автор, по мнению Бодье, уже не изменяя природе своего таланта, дает образцы «элегической и описательной» поэзии.

Правда, здесь некоторые комментарии французского критика выглядят поверхностными, а подчас и странными. Так, например, пересказав для читателей журнала вкратце содержание «Кавказского пленника», дав краткую характеристику особенно-

стей характера и нравов кавказцев, Бодье завершает следующим пассажем: «Эти-то черты Пушкин нам описал, и как русский, он должен был хорошо знать этих отважных, неведомых миру мучеников свободы, которые, покинув Турцию и расселившись между Черным и Каспийским морями, защищают пядь за пядью свои горные ущелья и которых вторжение московитов может уничтожить, но не покорить»⁵. А «Евгений Онегин» в трактовке Бодье — «не что иное, как дневник петербургского денди, то есть самого Пушкина»⁶. А чего стоит замечание Бодье об атеизме Пушкина? Конечно, от журнальной статьи вряд ли можно ожидать глубокого и обстоятельного анализа творчества русского поэта, но более точной оценки масштабов пушкинского дарования читатель вправе был ожидать.

Бодье отказывает Пушкину во всемирности. По мнению французского критика, Пушкин не относится к числу тех гениев, чьи творения адресованы всему человечеству. Сама природа его таланта ограничивает его рамками национальной литературы. В понимании Бодье Пушкин — «элегический и описательный поэт, достоинства которого заключены прежде всего в форме и чье ленивое воображение не в состоянии породить одну из тех пространных эпопей, которые отбрасывают тень на все века и поколения...»⁷. По мнению Бодье, в пушкинских произведениях нет того сочетания силы воображения, глубины чувства, смелости образов и широких философских обобщений, которое отличает гения. «И только стиль Пушкина сделает бессмертным его имя», — заключает критик⁸. «Все в этом стиле цельно, поэтично, гармонично; настоящая сильфида. Его период округл, уравновешен, полон неизъяснимого очарования; его полет так легок и изящен, что забываешь потребовать от стиля больше силы и возвышенности; слушаешь, как нежный и меланхолический голос поэта нашептывает строки, бесконечно сладостные, и уже не думаешь о том, что голос этот мог бы быть более разнообразным, а кругозор поэта более широким»⁹.

Несомненная заслуга Бодье в том, что он познакомил французов в коротком биографическом очерке с основными фактами биографии поэта, дал краткую характеристику (с преобладанием пересказа сюжета) романтических поэм Пушкина и «Евгения Онегина», впервые дал в статье подстрочники двух эпизодов из «Бориса Годунова» («Ночь. Келья в Чудовом монастыре» и «Ночь. Сад. Фонтан»), небольшого фрагмента из «Евгения Онегина», пушкинских стихотворений «Поэт» («Пока не требует поэта...»), «Наполеон» (фрагменты). Несколько строф в стихотворении «Наполеон» было снято французской цензурой: пропущена картина разгрома наполеоновской армии и пушкинский приговор «тирану». Бодье заменяет эти строфы следующим текстом: «После нескольких строф, посвященных войне с Россией и пожару Москвы, поэт завершает стихотворение следующим образом...»¹⁰. Вслед за чем дан подстрочник трех последних строф стихотворения, рисующих одиночество плененного императора, его тоску по родине и сыну и, конечно, финальный гимн Наполеону:

«Хвала! Он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал».

Для Бодье Пушкин, да и вся русская литература подражательны. Пушкин — подражатель Байрона и А. Шенье. Идея подражательности Пушкина нашла сторонников и продолжателей во Франции.

В 1837 г. в Париже вышла антология русской поэзии «Балалайка». Ее составителем был Поль де Жюльвекур, некоторое время живший в России, женившийся на русской и собиравшийся принять российское подданство. Убежденный монархист, виконт де Жюльвекур уютнее чувствовал себя в николаевской России, чем во Франции Луи-Филиппа. Жюльвекур полагал, что Российская империя находится во главе цивилизованных наций и в культурном отношении не уступает ни одной из них.

Антология содержала четырнадцать произведений Пушкина, из которых двенадцать — стихотворения. Жюльвекур не включил в книгу лицейские стихи и политическую лирику Пушкина. Как считает М. Кадо, Жюльвекур перевел из Пушкина то, что было ему, «малому романтику», ближе, то, что по ритму и колориту напоминало романтические баллады Гюго и согласовывалось с подзаголовком сборника «Chants populaires» («Народные песни»), — «Русалку», «Песнь о вещем Олеге», «Талисман», «Черную шаль», «Жениха»¹¹.

Первыми переводчиками произведений А. С. Пушкина на французский язык были русские. Часто это были русские эмигранты, обосновавшиеся во Франции. Так, в 1839 г. князь Н. Б. Голицын перевел знаменитую пушкинскую оду «Клеветникам России», а князь Э. П. Мещерский издал двухтомник, в котором опубликовал свои переводы некоторых стихотворений Пушкина («Ноябрь», «Поэту», «Черкесская песня», «Годовщина Бородино» и др.).

Переводы, выполненные французами, были не слишком удачны. Так, в 1847 г. в Париже вышел двухтомник «Избранных произведений А. С. Пушкина», весьма посредственные переводы для которого были сделаны бывшим профессором литературы в Петербургском институте путей сообщения А. Дюпоном. Французы вряд ли могли по достоинству оценить Пушкина по этим переводам. Однако в 1840-х годах появились переводы некоторых прозаических произведений Пушкина — повестей «Выстрел», «Метель», «Дубровский», «Капитанская дочка», «Пиковая дама».

Как заключает М. Кадо, «ни переводы произведений Пушкина, ни статьи о нем не были на должном уровне, что не удивительно. Ведь изучение России находилось в зачаточном состоянии, и многосторонний творческий гений Пушкина представлял для французских критиков непосильную задачу»¹².

Истинным первооткрывателем Пушкина во Франции стал Проспер Мериме. 15 июля 1849 г. Мериме публикует в парижском жур-

нале «Ревю де де монд» свой перевод «Пиковой дамы». В 1868 г. Мериме печатает в газете «Монитор юниверсель» статью «Александр Пушкин». Мериме, в отличие от Бодье, ставит имя Пушкина «среди имен величайших поэтов»¹³. Пушкин у Мериме не только выдерживает сопоставление с Байроном, но кое в чем даже превосходит английского поэта, влияние которого на Пушкина Мериме, бесспорно, признает. Но у Мериме, в отличие от Бодье, Пушкин не подражатель Байрона, но его счастливый соперник. По мнению автора статьи, творческий процесс у русского поэта носит, если можно так выразиться, более осознанный характер, чем у его великого английского учителя. «Всякое его (Пушкина. — В.Т.) стихотворение является плодом глубокого размышления... Его простота и непринужденность — результат утонченного мастерства. Байрон тратит часть своей силы, неумело растрачивая ее. Пушкин же всегда прибегает к ней для решительных ударов»¹⁴. Байрон делает читателя свидетелем творческого процесса. Пушкин — дает лишь результат. Выявляется большая «опрятность» русского поэта, не показывающего читателю «кухню», но потчующего его готовым изысканным блюдом.

Основные характеристики пушкинского творчества у Мериме: «простота», «сдержанность», «такт», «лаконизм», «вкус». «Пушкину были известны все возможности, все удивительное богатство родного языка, но его мысль всегда выражалась в столь простой форме, что, кажется, невозможно выразить ее проще»¹⁵. «Его трезвость, его такт в отборе основного в сюжете, умение жертвовать лишними подробностями были бы оценены в литературе любой страны, но особенно важны эти качества для русского писателя»¹⁶.

Самым пушкинским произведением Мериме считал поэму «Цыганы», которую, кстати сказать, Ш. Бодье вообще не упоминал в своем очерке о Пушкине. Для Мериме «Цыганы» — это произведение, в котором Пушкин избавляется от влияния иностранных образцов, «уже уверен в себе и пробивает

путь на свой страх и риск»¹⁷. Это воплощение самых ценных и характерных черт пушкинского гения. «По моему мнению, «Цыганы» являются наиболее точным выражением манеры и гения Пушкина»¹⁸. «Я не знаю произведения более *сжатого*, если только этим выражением можно воспользоваться для похвалы; *из этой поэмы нельзя выкинуть ни одного стиха и ни одного слова*; каждое и них имеет свое место и свое значение, и тем не менее все дышит совершенной простотой и естественностью; искусство проявляется в полном отсутствии бесполезных украшений»¹⁹. Мериме называет в числе важнейших черт пушкинского гения простоту фабулы, умение выбирать подробности, «чудесную сдержанность исполнения».

Конечно, Мериме в свете своей «поэтики литоты» (Д. Кути) оценил в Пушкине прежде всего то, что роднило манеру русского поэта с его собственной манерой. Но несомненная заслуга Мериме и в том, что он оценил Пушкина в контексте культурной и литературной ситуации в России, что он, в отличие от Бодье, не применяет к русскому поэту французскую мерку. Показательна в этом отношении оценка двумя критиками поэмы «Руслан и Людмила». Для Бодье «все это не вызывает в нас живого интереса, ничего не говорит нашей серьезной и положительной эпохе, не принадлежит к поэзии, как мы ее теперь понимаем»²⁰. И далее Бодье поясняет причины появления в России подобных «легкомысленных» произведений. «Но не будем забывать, что поэзия в России находится совсем в иных условиях, нежели во Франции, что в России не существует тех свободных и общепризнанных институтов, которым она могла бы следовать и от которых она получала бы импульс, поэтому она и не может претендовать на то, чтобы выполнять философскую, социальную, просветительскую функцию, которую предсказывал ей автор «Meditations» (то есть Лемартин. — В. Т.). Ее единственная цель — развлекать легкомысленную и невзыскательную публику...»²¹

Совершенно иную оценку «Руслана и Людмилы» находим у Мериме, который высоко оценил обращение русского поэта к материалу народных преданий в то время, когда русское образованное сословие лучше знало античную мифологию, чем национальный фольклор. Мериме оценивает Пушкина исходя из российской культурной ситуации. Бодье — исходя из европейского культурного контекста. В оценке Мериме — интерес и уважение к русской культуре. В оценке Бодье — взгляд свысока, с позиций европейской цивилизованности на русское «варварство». Мериме обнаруживает в своей статье не только интерес, но и знание русской истории (см. его замечания о «Борисе Годунове» или «Пугачеве» Пушкина).

Разительно отличаются оценки «Евгения Онегина», сделанные Бодье и Мериме. Для Бодье — «дневник петербургского денди», для Мериме — «самое значительное создание Пушкина, которое дает полное представление о его гении и выражает все его многообразие»²². «Ни в чем нет натянутости, принужденности, все легко, просто, изумительно колоритно. Француз не имеет возможности полностью оценить поэзию Пушкина, но нет ни одного образованного русского, который не знал бы наизусть почти всех стихов “Евгения Онегина”»²³.

«Если было бы нужно кратко охарактеризовать пушкинские поэмы, то следовало бы отметить простоту композиции, краткость описаний, а главное — замечательный такт, с каким Пушкин выбирал подробности. Такова же особенность его лирики, в которой Пушкин еще великолепен...»²⁴

В конце XIX века произведения А. С. Пушкина неоднократно издавались во Франции²⁵. Переводчиками пушкинских произведений на французский язык были И. С. Тургенев, А. Виардо, В. Михайлов, Ф. Готье, П. Бессан и др. Любопытно, что «Капитанская дочка» была напечатана в 1897 г. в серии «Библиотека для школьного и семейного чтения».

В 1892 г. в Париже вышла большая антология «Русская литература», составленная

профессором, заведующим кафедрой русского языка и литературы Коллеж де Франс (с 1886 г.), известным славистом Луи Леже (1844–1923). В коротенькой справке о Пушкине Леже отмечает многообразие жанровой палитры русского поэта, которое французский ученый иллюстрирует подборкой пушкинских текстов. Раздел о Пушкине включает «Вступление» «Медного всадника», отрывки из «Евгения Онегина», стихотворения «Пророк», «Анчар», «Русалка», «Утопленник», «Песнь о вещем Олеге», «Памятник», «Клеветникам России», поэму «Братья разбойники», сцену в Чудовом монастыре из «Бориса Годунова».

В 1893 г. Леже опубликовал свою небольшую брошюру «История русской литературы», в которую был включен раздел о Пушкине. «Пушкин — подлинный глава русской романтической школы. Роль, которую Байрон сыграл в Англии, а Гюго во Франции, Пушкину принадлежит в его стране» — так Леже определяет место Пушкина в русской литературе²⁶. Значение Пушкина в становлении реализма в русской литературе, очевидно, прошло мимо внимания французского ученого. Леже, конечно, не преминул сообщить своим соотечественникам, что Пушкин начинал как ученик Парни, затем испытал влияние Шекспира и Байрона. В прозе Пушкин, по мнению Леже, «проявляет себя достойным учеником Вольтера и соперником Мериме» («le digne élève de Voltaire et le rival de Mérimée») ²⁷. Правда, Леже предупреждает читателей, что Пушкин ни в коем случае не подражатель. «Вдохновляясь подчас иностранными образцами, он остается верен народному духу, национальным традициям, к которым его приобщила его старая няня Арина Родионовна»²⁸.

Леже высоко оценивает свободолюбивый пафос пушкинской поэзии, отмечает патриотизм поэта, упоминает о цензурных гонениях, с которыми ему пришлось столкнуться. Однако ни слова не сказано о трагической гибели Пушкина от руки Дантеса. Целый абзац посвящен стихотворению «Клеветникам России». Завершает раздел весьма вольный

перевод отдельных, заключительных, строк стихотворения. Весьма показателен этот отбор, произведенный Леже. Поэт обращается к «клеветникам России» с такими словами: «Вы грозны на словах — попробуйте на деле!» Пушкинские строки «Иль нам с Европой спорить ново? // Иль русский от побед отвык?» Леже перевел следующим образом: «Est-ce chose nouvelle pour nous de lutter contre l'Europe?» («Разве для нас в новинку *сражаться* с Европой?»). И наконец, в переводе финальных строк «Так высылайте ж к нам, витии, // Своих озлобленных сынов: // Есть место им в полях России, // Среди нечуждых им гробов», Леже опустил эпитет «озлобленных», заменив его нейтральным «ваших». В научной литературе уже отмечалось, что работы Леже о русской литературе носили не столько исследовательский, сколько научно-популярный характер²⁹. Многие сделав для популяризации русской литературы во Франции, Леже не внес существенного вклада в исследование пушкинского наследия.

XX столетие стало важным этапом в освоении французами творчества Пушкина. Наиболее заметным событием во французской пушкиниане XX века стало издание в 1950-х годах «Полного собрания сочинений» А. С. Пушкина под редакцией известного пушкиниста Андре Меньё³⁰. Судьба этого издания была непростой. Из задуманного четырехтомника вышли только три тома: в 1953 г. первый, куда вошли драматические произведения, романы и повести, в 1958 г. — второй, включивший избранную переписку поэта, отрывки из дневника, начало автобиографии и некоторые литературно-критические статьи³¹, в 1973 г. — третий, включивший прозу поэта³². Том, в который А. Меньё предполагал включить поэзию и «Евгения Онегина», так никогда и не был опубликован.

Е. Эткинд во вступительной статье к шестисотстраничному изданию «Поэтических произведений» Пушкина (1981)³³, которое включило лирику, эпиграммы, легенды, баллады, сказки, поэмы и стало наиболее полным изданием произведений поэта в лириче-

ском и лиро-эпическом жанре, объяснял то обстоятельство, что Меньё не выпустил том лирики Пушкина, невероятными трудностями перевода. В своей статье Эткинд констатировал: «Пушкин как поэт остается недооцененным во Франции, несмотря на невероятные усилия его почитателей»³⁴.

Существенный вклад в популяризацию Пушкина во Франции в XX веке внесли такие французские писатели и ученые, как Анри Труайя, Юбер Жуэн, Жан-Луи Бэкс. Выходец из России А. Труайя известен, в частности, как автор беллетризованной биографии А. С. Пушкина, изданной в парижском издательстве «Альбен Мишель» в 1946 г.

Широкой публике адресована книга французского ученого Ю. Жуэна «Пушкин», вышедшая в 1956 г. в серии «Поэты сегодня». Помимо критико-биографического очерка о русском поэте, она содержит раздел «Избранные произведения», в который вошли стихотворения Пушкина (в том числе в переводе П. Мериме), отрывки из «Евгения Онегина» и «Русалки», набросок предисловия к «Борису Годунову», письмо к Геккерену и несколько стихотворений, написанных Пушкиным по-французски.

Жуэн начинает свою книгу фразой: «Пушкин! Знаменитый поэт, чьи стихи невозможно прочитать: они неперевоодимы <...> Пушкин — уникальный случай. Великий русский поэт, который доступен только русским»³⁵.

Рассказ о трагической судьбе поэта вписан в социально-исторический контекст русской и европейской действительности 20–30-х годов XIX века. Жуэн с искренней симпатией пишет о Пушкине-человеке, воссоздает привлекательный и противоречивый человеческий облик великого поэта.

Как и его многочисленные предшественники, Жуэн говорит об ученичестве Пушкина у Вольтера, Парни, Байрона, но акцентирует своеобразие пушкинского гения и его вклад в русскую и мировую литературу. «До него русская литература была подражательной. После него звучный и сильный голос русского народа стал слышен в мировой ли-

тературе»³⁶. «Пушкин сформировал Гоголя. Русская музыка, начиная с Глинки, родилась на страницах его творений. Корни Льва Толстого уходят в ту же почву, а также Мусоргского, Римского-Корсакова, Даргомыжского, Чайковского»³⁷. Пушкин, по мнению Жуэна, воспитывает и пробуждает в каждом человеке вкус к свободе и желание счастья — и в этом его вклад в мировую культуру.

Признанием этого вклада стал и специальный номер авторитетного парижского литературно-художественного журнала «Эроп», посвященный Пушкину и вышедший в канун двухсотлетней годовщины со дня рождения поэта, в 1999 г. Номер задуман как переключка разных голосов разных эпох, включая голос самого великого поэта, звучащий в оркестровке французских переводчиков: Леон Робель представляет подборку своих переводов стихотворений и эпиграмм Пушкина, Брюно Сермон — перевод сцены XIII из «Бориса Годунова», Шарль Вайнштейн — перевод «Медного всадника». Таким образом, в подборке переводов сделана попытка дать французскому читателю наглядное представление о многообразии жанров и ритмов пушкинского творчества.

К голосу Пушкина присоединяются голоса русских поэтов, писателей, мыслителей и ученых разных эпох (Н. В. Гоголя, В. Я. Брюсова, В. В. Розанова, А. П. Платонова, Ю. Н. Тынянова, Ю. М. Лотмана, современных российских поэтов Ивана Жданова, Ольги Седаковой и др.), которые в своих статьях рассуждают о непреходящем значении пушкинского наследия, анализируют разные стороны его творчества.

Однако для современной читающей французской публики Пушкин (особенно его поэзия), как и почти два века назад, остается тайной за семью печатями. Пушкинская поэзия так и не стала достоянием французского читателя. Красноречив в этом отношении пассаж из статьи Леона Робеля «Два века спустя», открывающей номер «Эроп»: «...Недостаточно лишь заявлять, что Пушкин — один из величайших поэтов всех времен и народов. Нужно еще сделать так, что-

бы французские читатели получали живое наслаждение от чтения его творений»³⁸. Французскому переводчику вторит известный ученый Ефим Эткинд, озаглавивший свою вступительную статью к тому лирики Пушкина «Traduire Pouchkine» («Перевести Пушкина»). Перефразируя название этой статьи, можно было бы сказать, что не менее важная задача для французского культурного сознания состоит в том, чтобы «comprendre Pouchkine» («понять Пушкина»), хотя одно без другого вряд ли возможно.

¹ Цит. по: Corbet Ch. L'opinion française face à l'inconnue russe. 1799–1894. P. : Didier, 1967. P. 193.

² Baudier Ch. Pouchkin // Revue des Deux Mondes. 1837. Juillet-sept. 4-e sér. T. 11. P. 353–354.

³ Ibid. P. 355.

⁴ Ibid. P. 358.

⁵ Baudier Ch. Op. cit. P. 370.

⁶ Ibid. P. 370.

⁷ Ibid. P. 353.

⁸ Ibid. P. 372.

⁹ Baudier Ch. Op. cit. P. 372.

¹⁰ Ibid. P. 357.

¹¹ Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839–1856. P. : Fayard, 1967. P. 409.

¹² Cadot M. Op. cit. P. 438.

¹³ Мериме П. Статьи о русской литературе. М. : ИМЛИ РАН, 2003. С. 55.

¹⁴ Там же. С. 56.

¹⁵ Там же. С. 59.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 66.

¹⁸ Там же. С. 68.

¹⁹ Там же. С. 66.

²⁰ Baudier Ch. Op. cit. P. 366.

²¹ Ibid.

²² Мериме П. Указ. соч. С. 72.

²³ Там же. С. 74.

²⁴ Там же.

²⁵ Приводим лишь некоторые издания: Pouchkine A. S. Poemes dramatiques. P., 1862; Choix de nouvelles russes. P., 1873; Pouchkine A. S. Boris Godounoff. Le chevalier avare. Mozart et Salieri. Les nuits d'Egypte. P., 1875;

- Pouchkine A. S. Eugène Onéguine. P., 1884;
Pouchkine A. S. Poésies et nouvelles. P., 1888;
Pouchkine A. S. L'aube russe. Nouvelles. P., 1892; Pouchkine A. S. La fille du capitaine. P., 1897.
- ²⁶ Leger L. Histoire de la littérature russe. P. : Bibl. Larousse, s. a. P. 39.
- ²⁷ Leger L. Op. cit. P. 41.
- ²⁸ Ibid. P. 40.
- ²⁹ Григорьев А. Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. Л. : Наука, 1977. С. 47.
- ³⁰ См.: Pouchkine A. S. Oeuvres completes. P. : André Bonne Editeur, 1953.
- ³¹ См.: Pouchkine A. S. Oeuvres completes. P. : André Bonne Editeur, 1958.
- ³² См.: Pouchkine A. S. Oeuvres completes. L'oeuvre en prose. P. : L'Age de l'Homme, 1973.
- ³³ См.: Pouchkine A. Oeuvres poétiques/ Sous la dir. d'E. Etkind. P. : L'Age d'Homme, 1981.
- ³⁴ Ibid. P. 5.
- ³⁵ Juin H. Pouchkine. P.: Seghers, 1956. («Poètes d'aujourd'hui»). P. 5–6.
- ³⁶ Ibid. P. 7.
- ³⁷ Ibid. P. 78.
- ³⁸ Europe. Revue littéraire mensuelle. 1999. №842–843. P. 5.

* Исследование выполнено в рамках проекта «Россия и Европа: диалог культур во взаимотражении литератур», осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) (грант 06-04-00578а).